

(п/п: в названии присутствует двоечтение: это моя семья/это мой дом)

Сюй Ю не изменил своему глуповатому, восторженному виду, пока Ши Цинчжоу чинно подходил к неожиданному гостю. И только когда императрица оказалась достаточно близко, вроде как отреагировал на происходящее. Во взгляде появился блеск восхищения:

— Здравствуй, невестка! — воскликнул парнишка.

Многочисленные служанки и евнухи побелели лицами. Да и сам Цинчжоу чуть не подавился воздухом, не ожидая фривольного обращения.

— Ой, прости, — разве что не подпрыгнул Сюй Ю. — Дагэ сказал, что я не должен так тебя называть. Сказал, что тебе не понравится, поэтому я могу обращаться к тебе старший брат Ши.

До этого побелевшие лицами слуги, теперь находили на грани обморока.

— Старший брат?.. — прищурилась императрица.

— Да, — взволнованно кивнул парнишка. — Старший брат Ши, ты такой красивый! Более статный, чем я себе представлял!

Генеральский сын онемел от шока. А Сюй Ю почувствовал себя свободнее, начал болтать обо всем, что приходило в голову:

— Сперва я думал, что называть мужчину красивым неправильно. Думал, что это будет говорить о его женоподобности и неестественности, но сейчас понял, что существует немало оттенков красоты. И старший брат Ши скорее поразительный, удивительный!

Ши Цинчжоу не знал, что думать. Мальчишка из-за которого он столько дней не находил себе места, оказался наивным глупцом. Может быть, он в самом деле небольшого ума или что-то неправильно понял? Может быть, это Ши Цинчжоу нарисовал в голове определенную картину, которая не совпала с реальностью...

Как бы там ни было, расслабляться рано. Мальчишка мог притворяться, чтобы попытаться усыпить его бдительность. Лун Сяюань сказал, что в ту злополучную ночь они с ним много выпили и, охмелев, просто завалились на одну постель. Но слухи говорят обратное.

Ши Цинчжоу придирчиво оглядел парнишку перед собой. Довольно раздражающий, способный довести до белого каления тип. Но в самом ли деле он опасен? Генеральский сын предпочитал составлять первое впечатление о людях по их взгляду. И сейчас перед ним стоял простодушный юнец. Если это маскировка, то очень качественная. Императрица не замечает в ней изъяна. Посему напрашивается очевидный вывод — баламут не обязательно притворяется.

— Старший брат Ши, скажи, тебе понравилось сражаться на границе?

— Война — это не то, что может понравиться, — легко парировал воин.

— Ой... — почесал затылок гость. — Я понимаю... Ши-дагэ, я хотел спросить не об этом. Просто мне интересно, каково там на границе. Я никогда не был в тех краях.

Ши Цинчжоу вновь прищурился, все еще не понимая, как должен себя вести. Мальчик не показался ему опасным, просто немного надоедливым. Откровенно грубить юнцу не было никакого смысла, поэтому герой военной кампании смиловался и немного рассказал о

пограничной зоне. Сюй Ю слушал его с широко распахнутыми от восторга глазами, не смея перебивать. В этот момент во дворец императрицы вернулся Лун Сяююань.

Монарх с толикой замешательства посмотрел на идеализированную сцену, где его младший брат и возлюбленный вели тихую беседу. Было в этом что-то странное, из-за чего уголки губ правителя нервно дернулись, прежде чем он вошел в зал.

— Сюй Ю, почему ты пришел? Твой старший брат Ши только вчера вечером вернулся во дворец и еще не успел отдохнуть. Думаешь, хорошо поднимать его с постели ради твоего развлечения?

Парнишка улыбнулся знакомому лицу, а в честь выговора еще и стукнул себя по голове:

— Ой, я как-то об этом не подумал. Ши-дагэ только вернулся с границы и верно не успел отдохнуть. Это все моя вина, я был слишком взволнован и больше ни о чем не мог думать.

Лун Сяююань прошел к маленькому столику, за которым сидели молодые люди и занял место рядом с возлюбленным:

— Цинчжоу, ты успел отдохнуть? — Отказываясь от этикета, Его Величество обнял супруга на глазах у посторонних, одарив того ласковым взглядом.

Генеральский сын многозначительно прищурился. Он хорошо знаком с дворцовым этикетом и знает, что император не должен позволять себе вольностей, однако Лун Сяююань, словно намеренно обозначил свою территорию. Украдкой Ши Цинчжоу посмотрел на Сюй Ю, пытаясь уловить его реакцию. К своему удивлению, обнаружив, что мальчишка точно не ревнует, скорее посмеивается над очевидным намерением правителя!

Императрица ничего не сказала, решив не отказываться от ухаживаний супруга. И почувствовавший это Сяююань вошел во вкус, еще крепче обняв, практически прижав к себе возлюбленного. Несчастные слуги старательно опускали взгляды, чтобы не дай бог не прогневать монарха своим любопытством. Сегодня им пришлось на многое не обращать внимания.

Сюй Ю же, как человек современности, хоть и прожил в романе порядка шести лет, все еще не утратил прошлых взглядов на жизнь. Для него в действиях Лун Сяююаня нет ничего странного или постыдного. Ничего, что заставило бы его смутиться и опустить голову, как сделали слуги.

— Хорошая техника, старший брат, — посмеялся Сюй Ю.

— Естественно, — фыркнул император. — Тебе не помешает у меня поучиться. А то, боюсь, Фан Шоян тебя в самом деле отвергнет.

— Фан Шоян? — изогнул бровь Цинчжоу. — Что еще за Фан Шоян?

— Его возлюбленный, — улыбнулся супругу монарх. — И молодой хозяин башни Тяньинь. Узнав об увлечениях своего сына, чета Фан не пришла в восторг и поспешила найти наследнику крепости невесту, а самого Сюй Ю чуть не убили. Ему пришлось бежать из тех краев. Так он и оказался в столице.

— Старший брат! — возмутился Сюй Ю. — Зачем ты все это рассказываешь? Это, знаешь ли, унижительно!

— Не переживай, твой старший брат Ши не чужой. Тем более он куда лучше тебя работает с

внутренней силой и с детства обучался боевым искусствам. Если хорошо попросишь, быть может, он тебе поможет.

— Ой, и правда, — задумался парнишка. — Ши-дагэ, я буду вынужден тебя побеспокоить.

— Угу, — едва заметно улыбнулась императрица.

— Ты ведь еще не завтракал? Успел проголодаться? — прошептал возлюбленному император.

— Да, — тут же кивнул Сюй Ю. — Старший брат, я проголодался.

Лун Сяюань закатил глаза:

— В тебе я не сомневался. Маленький поросенок, ты только и делаешь, что спишь да ешь.

— Ну зачем ты так? — поник мальчишка.

Ши Цинчжоу их перепалка показалась немного забавной, поэтому он позволил себе тихий смешок, после чего посмотрел на супруга:

— Да, я проголодался.

— Раз Цинчжоу голоден, я попрошу слуг не тянуться с завтраком, — улыбнулся правитель.

Очевидная разница в обращении заставила Сюй Ю расстроиться еще сильнее и вскрикнуть, взывая к справедливости:

— Старший брат, это уже слишком! Как ты можешь так со мной обращаться?

Лун Сяюань коварно улыбнулся:

— Ты ведь понимаешь, что брат не то же самое, что любимый? Я не против, если ты будешь относиться к своей семье лучше, чем ко мне.

Сюй Ю только и оставалось, что принять реальность, да надуть губы. Зато Ши Цинчжоу улыбался все чаще, чем не мог не порадовать супруга.

Лун Сяюань распорядился накрыть стол, и вскоре небольшая компания отправилась в столовую. Каждый занял свое место. Только несчастному Сюй Ю кусок не лез в горло. В то время как Ши Цинчжоу, как и подобает императрице, медленно, методично поглощал блюда. Наблюдая за ним, можно было забыть о голоде, насытившись чувством прекрасного.

Перекусив, Лун Сяюань обратил внимание на грустного друга:

— Я только сейчас заметил, что твои манеры оставляют желать лучшего. Не это ли причина, по которой родителя Фан Шояна тебя не приняли?

— Дагэ, ты изменился, — горько улыбнулся мальчишка, прекрасно понимая, что Сяюань просто его дразнит. — Раньше ты так со мной не разговаривал. Возвращение Ши-дагэ раскрыло твой истинный облик. Тебе оказывается нравится обижать беззащитных людей...

— В самом деле? — широко улыбнулся император.

— Да! — фыркнул Сюй Ю.

Монарх не стал развивать тему, приступив к следующему блюду. Сюй Ю только и оставалось что заканчивать трапезу с понурым видом. После завтрака Лун Сяюань отправил младшего брата во дворец Юйшан, а Ши Цинчжоу сопроводил в спальню, где бы тот смог немного отдохнуть. Императрице под уговорами правителя пришлось вновь прилечь, хотя он уже прснулся и не чувствовал себя уставшим. Однако спустя полчаса и правда уснул.

Лун Сяюань такого, признаться, не ожидал. Он проявлял заботу, не подозревая, что возлюбленный настолько устал. Но будить того, естественно, не стал. Лишь перенес все собранные за утро документы в спальню, чтобы заняться государственными делами под тихое дыхание генеральского сына.

Через несколько часов Ши Цинчжоу открыл глаза, тут же увидев занятого бумагами супруга:

— Ты уже принял послов Северного королевства?

— Пока нет, я планирую дать им несколько дней на охлаждение пыла. Спешить некуда, — поднимая голову, без обиняков пояснил монарх.

— Значит, ты примешь их просьбу о мире?

— Угу, — кивнул мужчина. — Цинчжоу, я буду с тобой честен, у меня нет амбиций по завоеванию мира. Люди нашей страны не смогут жить на севере, а значит, и удерживать его нет никакого смысла. Объединив страны, мы не добьемся мира. Варвары привыкли жить по-своему. Их не устроит мое правление.

Ши Цинчжоу глубоко задумался, прежде чем кивнуть:

— Это верно.

— Теперь мой дорогой Цинчжоу думает, что у меня совсем нет императорского честолюбия? — улыбнулся правитель.

— Я так не думаю. Ваше Величество всецело обдумывает ситуацию. Победа над севером обяжет взять за него ответственность, варвары не примут нового правителя, будут всячески противиться новому строю. Цена за эти земли слишком высока.

— Верно, — отложил кисть Сяюань. — С нашей армией не так уж и трудно завоевать Северное королевство. Трудно будет его удержать. Люди севера не примут южан, будут созданы партизанские отряды и прочие подпольные движения, что будут мешать слиянию и ассимиляции. Уделив внимание северу, мы ослабнем и позволим восточной стране начать наступление, позволим им посеять хаос и неразбериху у себя.

Ши Цинчжоу, укутавшись в одеяло, сладко улыбнулся:

— Признаться, я боялся, что Ваше Величество, узнав, как удачно проходит кампания, захочет пройти дальше и объединить страны.

Император рассмеялся:

— У меня нет такой жажды власти. Наша империя немала, есть плодородные земли и реки, нет смысла задумываться о новых территориях.

— Значит, я верно рассудил, решив, что Ваше Величество хочет закончить конфликт, когда

согласились принять послов.

— Угу, — Лун Сяююань с улыбкой посмотрел на любовника. — Цинчжоу, я ведь еще не поблагодарил тебя за защиту границы. Ты храбро сражался, убил множество врагов империи и захватил три города. Ты удивительный человек.

Ши Цинчжоу отвел взгляд. Искренняя похвала вкупе с ласковым, теплым взглядом от Лун Сяююаня заставляла смущаться.

— Благодарю Ваше Величество за похвалу, — прошептал молодой человек.

— Эх... — нарочито громко вздохнул монарх. — Почему ты продолжаешь звать меня Вашим Величеством?

Императрица удивленно моргнула, а Лун Сяююань, поднявшись из-за стола, прошел к кровати и, склонившись, коснулся губ возлюбленного своими:

— Как ты себя чувствуешь? Все еще болит?

— Что? — озадачился молодой человек.

Лун Сяююань, подобно неумолимому искусителю, склонился над ушком возлюбленного:

— Прошлой ночью я был слишком взволнован и не смог себя контролировать...

Мочки ушей императрицы заметно покраснели:

— Со мной все в порядке...

— Ничего не болит? — поцеловал розовое ушко мужчина. — Значит, сегодня вечером мы можем продолжить начатое?

Ши Цинчжоу невольно напрягся, из-за чего Лун Сяююань не сумел сдержать улыбку:

— Значит, все еще болит, да?

Императрица предпочла не отодвигаться от приятных касаний, а просто игнорировала расшалившегося супруга. Лун Сяююань взглянул на стопку непросмотренных бумаг, что-то для себя решил и, сняв обувь, лег рядом с супругом.

— Что это ты делаешь? — вздрогнул генеральский сын, как только оказался в объятиях императора.

— Цинчжоу, неужели я совсем тебе не нравлюсь? — сделав нарочито грустное выражение лица, жалостливо прошептал Сяююань. — Я ведь просто хочу составить тебе компанию.

— У тебя ведь еще много дел.

— Ну и что? Все в порядке, не было дня, когда бы их не было.

Ши Цинчжоу изогнул бровь, а Лун Сяююань поспешил забраться к возлюбленному под одеяло, еще крепче того обняв. Тело императрицы вновь стало походить на жесткий ствол. Вероятно, Цинчжоу опасался нового покушения не свое целомудрие, но Сяююань быстро пояснил свои намерения:

— Не волнуйся, я еще понимаю, что твое сдержанность. И не прикаснусь, пока тебе не станет легче.

Вздохнув с облегчением, «хозяин» гарема, наконец-то, позволил себе расслабиться, тем самым оказавшись прижатым к крепкой груди супруга.

— Цинчжоу, ты ведь видел Сюй Ю, он просто мальчишка. Тем более у него есть возлюбленный. Надеюсь, ты понимаешь, что у нас ним ничего не могло быть и простишь меня?

Императрица промолчала, из-за чего Сяююань встревожился:

— Ты все еще мне не веришь?

— Верю, — кивнул генеральский сын.

— Правда? — Просиял монарх.

Ши Цинчжоу невольно улыбнулся, после чего оказался вынужден противостоять граду поцелуев счастливого императора:

— Цинчжоу, я...

— Тебе ведь не понравилось, что я ушел на границу? — вдруг спросил воин.

Сяююань выдержал тяжелую паузу:

— Это не совсем так. Я боюсь, что мое существование лишает тебя свободы... — горько улыбнулся правитель. — На самом деле, это все... Цинчжоу пойми меня правильно, иногда мне кажется, что твое место на поле боя, где-нибудь за пределами дворца. Видя тебя здесь, я не могу не задаваться вопросом, а не кажется ли тебе твоя нынешняя жизнь рабством?

Ши Цинчжоу затаил дыхание, а улыбка Лун Сяююаня стала еще горше:

— Мои слова недалеки от истины, так? Цинчжоу, если бы тебе дали возможность отказаться от всех этих условностей, ты бы остался во дворце? Эта клетка ломает твои крылья, на которых ты можешь летать. Думаю, я должен перед тобой извиниться...

Сердце императрицы ускорило бег. Цинчжоу невольно приподнялся на локте, во все глаза смотря на мужчину рядом, на его горькую улыбку и искреннее сожаление:

— Лун Сяююань, в прошлом я в самом деле думал, что дворец — это клетка. Но сейчас, когда мы по-настоящему вместе, все изменилось. Как ты и сказал — одна пара, одна жизнь на двоих. Пока ты меня не предашь, это мой дом. Я отправился на границу только из-за глупой детской мечты, которая уже осуществилась.

Лун Сяююань, что ты имеешь в виду под заточением? Неужели мне нельзя остаться в твоём сердце?

Монарх сглотнул, во все глаза рассматривая возлюбленного. И не из-за последнего, сказанного с вызовом вопроса.

— Пока я тебя не предаю, дворец твой дом? — Словно не веря в саму вероятность подобного, моргнув правитель. Все это время он думал, что Ши Цинчжоу остается с ним только из-за обязательств перед кланом Ши и прочих нюансов. Но теперь... теперь он слышит, что Цинчжоу

не просто смирился, а хочет быть тут?

Осознание сего факта заставило сердце дико биться от шока, а глубины души гореть от счастья.

— Цинчжоу, я тебе нравлюсь?

— Да...

Лун Сяююань не мог и не собирался себя сдерживать, он захватил возлюбленного в объятия, быстро под себя подминая и осыпая лицо супруга поцелуями:

— Цинчжоу, мой Цинчжоу, ты ведь тоже волновался о нас, так?

«Волновался?» — отвела взгляд императрица. Перед тем как отправиться на поле боя, Цинчжоу никогда не задумывался об этом вопросе. Не думал, что Лун Сяююань в самом деле ему нравится. Но достаточно было провести несколько дней в разлуке, чтобы жизнь расставила все по своим местам.

Лун Сяююань в самом деле проник в его сердце. Это факт, и было бы глупо его отрицать. А раз Сяююань его не предавал, то есть ли смысл таиться? Правда говорить вслух о столь смущающих вещах сложно, поэтому парень крепко обнял супруга, пытаясь выразить всю глубину своих чувств.

Император обнял в ответ:

— Цинчжоу, в будущем у тебя не будет возможности отказаться от своих слов. Пока я тебя не предаю, дворец — это твой дом. Наш дом.

Генеральский сын улыбнулся:

— Угу.

Сяююань обнял еще крепче, но тут настала пора Ши Цинчжоу ставить свои условия:

— Лун Сяююань, у тебя тоже не получится отказаться от своих слов. Я хочу, чтобы ради меня ты распустил гарем. Даже если не сейчас, то позже, и ты должен пообещать, что не тронешь ни одну женщину. Ты можешь сдержать свое слово?

Одна пара, одна жизнь на двоих. Ши Цинчжоу хотел именно этого. И если Сяююань не может этого обещать, то лучше им вообще ничего не начинать. Воин не боится признать свои чувства, не боится сказать, что скучал. Он волнуется о них!

Если Сяююань пообещает, но предаст, если передумает и решит вновь обратить внимание на женщин или других мужчин, Ши Цинчжоу готов стать отступником, опозорить семью, но добиться справедливости! В случае страшного, он согласен пасть в ад, но Лун Сяююань отправится с ним!

Однако прежде нужно будет хорошо устроить свою семью... он не позволит отцу и матери стать целью мести...

— Конечно, — властные слова возлюбленного ни капли не расстроили императора. Даже наоборот, Сяююань был счастлив их услышать: впервые Ши Цинчжоу сказал, что любит его и хочет провести вместе жизнь.

— Пока я не могу распустить гарем. И не из-за своих предпочтений, а из-за расстановки сил во дворце. Если я разгоню женщин, то министры начнут о тебе судачить. Я не хочу, чтобы доброе имя моей императрицы пострадало. Но я все еще могу пообещать тебе не касаться женщин. На самом деле, после того, как мы стали парой, я больше ни с кем не делил постель. Ты ведь ни разу не видел, чтобы я ночевал в каком-то другом дворце. Ты мой единственный!

Ши Цинчжоу знал и верил. Иначе бы никогда не признался Сяююаню. А вопрос о том недоразумении с Сюй Ю закрыт. Все обиды в прошлом.

— Знаешь, Цинчжоу, я очень счастлив, — хихикнул император и тут же накрыл губы возлюбленного своими, яростно целуя. Его тонкие крепкие пальцы проникли под одежду парня, ловко развязывая тесемки и прочие узлы.

Генеральский сын чертыхнулся и честно попытался отбиться со словами:

— Ты обещал, что не тронешь... не посреди же дня...

Монарх остался глух к чужим протестам, запечатав губы любимого поцелуем, после чего горячо прошептал:

— Обещал, но ты сам виноват. Ты первым меня соблазнил, так что это не моя вина...

Его Светлость нахмурился, а Лун Сяююань бесстыдно продолжил:

— Если бы после твоих слов я смог сдержаться, то недостаточно бы тебя любил. Бог видит, как я тебя обожаю.

— Бог? — так и не сменил гнев на милость воин.

— Бог, — кивнул мужчина.

Ши Цинчжоу хотел сказать что-то еще, но счастливый Сяююань не дал ему и минуты, приступив к самому вкусному, на свой взгляд, угощению. В ближайшие несколько часов императрица могла только вскрикивать и стонать, пока Лун Сяююань ел досыта, пока полностью не удовлетворил аппетит.

В полдень Сюй Ю вновь пришел во дворец императрицы, чтобы пообедать со старшими братьями.

— Господин Сюй, Его Величество и Его Светлость отдыхают, — на этот раз евнух был непреклонен.

— Сейчас? — удивился мальчишка, на всякий случай заглядывая в окно, проверяя, не настала ли резко ночь. Под взглядом готового сражаться за спокойствие господ слуги, Сюй Ю пришлось вернуться к себе.

Вдоволь наигравшись друг с другом, Лун Сяююань и Ши Цинчжоу проспали до двух часов дня, пропустив время обеда. Проснулись супруги почти одновременно. Император захотел поприветствовать любовника легким поцелуем, но едва приблизился, как урчание пустого желудка сбило настрой. Скулы мужчины моментально покраснели.

— Я тоже проголодался, давай вставать, — усмехнулся воин.

— Ты тоже голоден? — Лун Сяююань почесал кончик носа, извиняясь. — Извини, я снова был

несдержан...

Ши Цинчжоу покачал головой и сел, но тут же изменился в лице от резкой боли в пояснице и вновь повалился на матрац, не в состоянии двинуться.

— Цинчжоу?!

Императрица с толикой смущения и гнева посмотрела на признающего свою вину монарха.

— Цинчжоу, оставайся в постели, — поспешил озвучить задумку мужчина. — Я попрошу принести кашу в спальню. Это легкая и полезная пища. Каша полезна для здоровья!

— Будем есть в постели?

— Почему нет? Мы ведь здесь только вдвоем.

— Ладно, — без охоты согласился генеральский сын. — Но никого сюда не впускай. — Было бы неловко предстать перед посторонними таким уязвимым.

— Как скажешь, — поднявшись с постели, Сяююань поспешил одеться и выйти за пределы спальни. А через четверть часа вернулся с подносом, на котором стояло четыре миски горячей каши.

— Что ты делаешь? — изогнула бровь императрица, когда правитель присел на край кровати и взял в руки ложку.

— Хочу тебя покормить, — как и любой мужчина, Сяююань хотел ухаживать за своим возлюбленным, особенно когда сам виноват в его слабости.

Ши Цинчжоу нервно усмехнулся:

— Ваше Величество, мои руки не сломаны, я могу поесть сам.

— Но разве не так ведут себя возлюбленные?.. — Словно ребенок перед грозным родителем, пытался прощупать почву мужчина.

Императрица потеряла дар речи.

В итоге поздний обед Ши Цинчжоу съел сам. А что же в это время делал Лун Сяююань? Правильно, надув губы, кушал кашу в другом углу комнаты. Каждый опустошил по две миски и остался доволен трапезой. Уже после еды, император продолжил примерять на себя роль лакея, предложив сделать Цинчжоу массаж. А когда императрица могла безболезненно двигаться, вывел возлюбленного на прогулку. Однако их идиллия не продлилась долго.

Один из министров поспешил разыскать императора, чтобы сообщить ужасную новость: двух послов Северного королевства убили в комнатах постоянного двора.

Лун Сяююань и Ши Цинчжоу изменились в лицах. Они поселили эмиссаров в надежном постоялом дворе. Выделили немало охраны из-за особой миссии гостей, но с ними все равно расправились! Что это значит?

Император разве что не вскипел от гнева, а Ши Цинчжоу глубоко задумался. Именно он привел этих людей в столицу и теперь терялся в догадках, на кого была направлена эта атака?

<http://bllate.org/book/14215/1253512>